

Теоретические дискурсы и дискуссии

Полевые истории: размышления о четырех десятилетиях этнографии¹

DOI: 10.19181/inter.2019.20.1

Ссылка для цитирования:

Адлер П., Адлер П. Полевые истории: размышления о четырех десятилетиях этнографии / пер. с англ. В. В. Семеновой // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2019. Т. 11. № 20. С. 8–35. DOI: <https://doi.org/10.1z9181/inter.2019.20.1>.

For citation:

Adler P., Adler P. (2019) Tales from the field: reflections on four decades of ethnography / transl. from English: V.V. Semenova. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 11. No. 20. P. 8–35. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2019.20.1>.

Патриция Адлер*, Питер Адлер**

Основываясь на опыте своей тридцатипятилетней карьеры в этнографическом поле, мы размышляем об исследованиях, в которые были вовлечены, и о том, как практика и эпистемология этнографии изменились за этот период. Мы начинаем, обращаясь к проблематике этических аспектов при проведении качественных исследований, подчеркивая невсеобщность этических критериев, сложность применения медицинских стандартов

¹ Авторы являются выдающимися американскими этнографами. В 2010 г. получили совместную премию Дж. Мида за жизненные достижения в области символического интеракционизма (George Herbert Mead Lifetime Achievement Award, Society for the Study of Symbolic Interaction).

Речь была впервые произнесена как Основной доклад на 28-й ежегодной конференции по качественному анализу (Wilfrid Laurier University, Brantford, Ontario, Canada, May 2011). Первоисточник опубликован: Adler Patricia A. and Peter Adler. 2012. "Keynote Address. Tales from the Field: Reflections on Four Decades of Ethnography". *Qualitative Sociology Review* 8 (1): 10–32.

http://www.qualitativesociologyreview.org/ENG/Volume21/QSR_8_1_Adler_Adler.pdf.

Перевод осуществлен В. В. Семеновой и публикуется здесь с любезного разрешения Патриции Адлер.

* Адлер Патриция — профессор социологии, профессор Emeritus, Университет Колорадо, США, adler@colorado.edu.

** Адлер Питер — профессор социологии, профессор Emeritus, Университет Денвера, США, socyprof@hotmail.com.

на полевом этапе, и к вопросам, связанным с новой эрой интернет-исследований, при этом в основном мы базируемся на недавно осуществленном проекте интернет-этнографии самоповреждений. Затем мы обсуждаем возможности позиции «включенности» исследователя в этнографическое поле, подчеркивая напряжения, которые определяют эту позицию между противоположными полюсами включенности и объективности. Наконец, обращаемся к ситуации изменяющегося ландшафта качественного подхода: как его распространение и легитимация определяются современными общесоциологическими трендами. Завершаем мы дискуссией о том, как эпистемологические изменения в поле качественного анализа фреймируются политической, этической и междисциплинарной борьбой за гегемонию.

Ключевые слова: этнография; эпистемология; этика; интернет-этнография; качественное исследование; самоповреждение; девиантность; спорт; социализация; молодежь

Для нас большая честь стоять сегодня перед этой аудиторией. Надеемся обогатить идеи, которые услышали здесь на многих сессиях, и поразмышлять о том, что произошло за двадцать восемь лет, в течение которых проводилась эта ежегодная конференция, а также оценить, где мы сейчас находимся. Надеемся реализовать это как через наши собственные автобиографические размышления о почти сорока годах работы в качестве этнографов, так и через юношеское восприятие начинающих и молодых исследователей, которые находятся в этом зале. История полевых работ и история самих исследователей богата, она полна субъективизма, так же как и сама качественная исследовательская эпистемология. Истории исследователей переплетаются с их жизнями, как блестяще напомнил нам Ван Маанен (Van Maanen, 1988) в своих дискуссиях об «исповедальных историях». Они придают оттенок рефлексивности личной и профессиональной истории. Мы рады воспользоваться этой возможностью, чтобы еще раз поразмышлять о том, как на наш подход к полевым исследованиям повлияли наши личные биографии как в академической жизни, так и за ее пределами.

В этом году, в 2011 г., мы отметили 41-ю годовщину наших отношений. Они начались 5 мая 1970 г., в день, отмеченный трагедией в штате Кент, когда четыре студента колледжа были расстреляны Национальной гвардией Огайо за то, что протестовали против войны во Вьетнаме. Эти события увековечены Кросби, Стиллсом, Нэшем и Янгом в песне «Четверо погибших в Огайо» (“Four Dead in Ohio”). Мы тоже протестовали в нашем кампусе в Вашингтонском университете в Сент-Луисе, и сила этого коллективного сознания скрепила влечение, которое мы испытывали друг к другу, преобразовала во что-то, что продолжалось долгое время. Так началась личная и профессиональная карьера, которая охватила четыре десятилетия и одновременно предопределила те значительные изменения, которые произошли, и то, какова сегодняшняя практическая этнография. Нам также посчастливилось встретиться с нашим будущим наставником, Джеком

Дугласом (Jack Douglas), в 1975 г., когда он был в процессе написания своего основополагающего методологического трактата «Исследование в социальных науках: одиночный исследователь и команда в полевом исследовании» (Douglas, 1976). Он видел в нас мини-команду, которая идеально подходила под его тип исследовательской «команды», а этот тип он тогда считал приоритетным.

Мы начали нашу социологическую одиссею в благоприятном месте, не только в политическом смысле, но и в социологическом; за год до нашего приезда (1968) Лауд Хамфрис (Laud Humphreys) провел полевое исследование “tearoom trade”², которое принесло ему премию К. Райта Миллса от Общества изучения социальных проблем (SSSP). Это, возможно, самая престижная в североамериканской социологии премия за опубликованную работу. Исследование гомосексуальных встреч в общественных местах (Humphreys, 1970) проливает свет на одно измерение гомосексуальной сцены: место, где мужчины, которые представляют себя гетеросексуалами, могут с некоторым риском найти обезличенный секс с анонимным партнером без какой-либо эмоциональной связи или обязательств. Работа Лауда была новаторской не только как эмпирическое исследование закрытой, девиантной социальной сцены, но и по комбинации методов, которые он использовал для сбора данных. Это исследование сделало его имя известным в своей области потому, что он, чтобы получить доступ в эти общественные места, использовал позицию «скрытого» наблюдателя, приняв на себя роль «смотрящего» (“watch queen”). Он систематически записывал, как объекты наблюдения осторожно входили, сближались, подавали сигналы, вели переговоры, осуществляли или прекращали свои отношения, тонко балансируя между необходимостью скрывать свое поведение и всю сцену от опасных посторонних и одновременно сохранять ее открытой для заинтересованных участников.

В то же время он тайком записывал номера их автомобилей и через своего друга из Департамента автотранспорта узнал их имена и адреса. Позже, изменив внешность, он посетил их дома и, используя короткий вопросник эпидемиологического обследования, которым он руководил в то время в медицинской школе, получил информацию об их жизни и демографических характеристиках. Эта информация помогла установить лиминальную, переходную природу людей, которые исполняют гомосексуальные акты в гей-пространстве, тогда как в основной жизни включены в средний класс, гетеросексуальность и образ жизни истеблишмента.

Исследование Хамфриса раскололо отдел социологии Вашингтонского университета, поскольку профессор Элвин Гоулднер, известный как теоретик и человек резкий (Gallher, 2004), раскритиковал его (в то время аспиранта) за этическую сторону его «скрытой» позиции и неверное поведение. Вокруг отдела социологии на досках объявлений началась война (реальная, а не кибер-война!) граффити с анонимными сообщениями, которые направляли свои удары по членам факультета и аспирантам, они оказались

² Социальное исследование скрытых форм гомосексуальности.

расколотыми на враждебные лагеря. В конце концов Элвин взорвался после одного подстрекательского сообщения, которое критиковало его. Он предположил, что сообщение было написано Лаудом. Тогда он, как утверждают, ударил Лауда Хамфриса по лицу, после чего тот оказался в больнице. После этого кафедра взволновалась, и большинство сотрудников покинуло Вашингтонский университет и Сент-Луис. Наша социологическая карьера началась, таким образом, в точке большого профессионального конфликта (Adler, Adler, 1989b).

Также мы начинали свой путь в разгар контркультурных революций 1960-х и 1970-х годов. Эта эпоха была отмечена большими инновациями и революциями в высшем образовании; тогда поощрялось нестандартное мышление. Когда мы учились в колледже, свобода исследовать, творить и саморазвиваться была частью нового этоса. Любой из нас, кто учился в школе в те дни, может назвать программы и прогрессивные реформы, которые были направлены на расширение свободы учащихся и на их стремление к развитию своей индивидуальности: школы без стен, открытые классы, открытые кампусы. Хотя средства массовой информации скандализируют 60-е годы как время безудержного употребления наркотиков, женщин, сжигающих свои лифчики, и случайного секса, те времена обладали системой ценностей, которая поддерживала солидарности, видела несправедливость войны, которую необходимо было остановить, и к тому же декларировала, что механическая зубрежка и запоминание учебной программы не лучший способ получения знаний. Из этой свободы мысли и могли выйти революционные идеи об образовании, которые мы принимаем сегодня как должное, такие как стажировки по кредитам, обучение через работу в сфере услуг, аудит, практические занятия и курсы по различным видам массовой культуры, хотя у многого из этого свои сложности и противоречия. Сегодняшние педагоги утверждают, что они хотели бы вернуться к базовому стандарту образования (по принципу «ни один ребенок не отстал»), что в академическом плане США отстают от других промышленно развитых стран, но они забывают о креативности и автономии, которые ведут к великим идеям и новым социальным формам.

Мы использовали и расширили нетрадиционность мышления, которая была свойственна тому времени. Интеллектуально увлеченные познанием, мы, будучи второкурсниками, вдвоем ходили на занятия и очень подробно обсуждали наши домашние задания. После того, как мы углубились и стали полностью разделять идеи друг друга, нам было уже трудно распутать клубок общих мыслей. Поэтому мы обратились к нашим профессорам, чтобы узнать, позволят ли они нам выполнять учебную работу совместно. Они согласились (что свидетельствует о ценностях той эпохи), тем самым стимулируя нас делать работу в два раза лучше, чем мы могли бы это делать по отдельности. С тех пор мы воспринимаем этот шаг как мандат на карьеру. Так мы начали совместную карьеру (Adler et al., 1989), что было необычно в нашей области и встречало большую долю язвительности в первые наши профессиональные годы (позиция «одинокого рейнджера» в академической

сфере считалась приоритетной), но этот союз выдержал испытание временем. На самом деле мы знаем совсем немного пар из других научных областей, которые так же тесно связаны между собой. Мы удостоились чести быть первыми номинантами, выигравшими премию за пожизненные достижения от общества по изучению символического интеракционизма Джорджа Х. Мида (SSSI) в 2010 г.

В этом эссе мы хотели бы вспомнить о нашем опыте в этой области и о том времени, в котором мы писали, условиях, которые мы изучали, и способах, с помощью которых делали наши этнографии, чтобы на этом фоне более широко отразить некоторые аспекты состояния качественных исследований сегодня. Попутно мы поговорим об этических, методологических и эпистемологических проблемах, связанных с этнографией, и об изменениях, произошедших за последние три-четыре десятилетия.

Махинации и сделки

Изучение социологии в тени работы Лауда Хамфриса мы начали с тематики девиантности и криминологии, ставших нашей первой любовью. Весьма харизматичный профессор Марв Камминс (Marv Cummins) привлек нас к занятиям в этой области, и в частности к одной области. Стоя на демонстрационном столе перед большим лекционным залом, Камминс иллюстрировал, как профессиональные взломщики проникают в здания, не разбивая стекла и не отключая сигнализацию. Чем больше мы слышали, тем больше нам хотелось узнать подробности того, как эти люди овладели своим ремеслом. Мы увлеклись профессиональной преступностью. Первая возможность для исследований появилась, когда мы были студентами: на платной основе нас наняли в исследовательскую группу, изучавшую употребление героина в районе Большого Сент-Луиса. Для этого проекта мы копались в записях отделений неотложной помощи, болтались в метадоновых клиниках и брали интервью у потребителей героина об их опыте общения с наркотиками и с законом. Хотя люди, которых мы изучали, очень отличались от нас и употребляли более тяжелые наркотики, чем наши однокурсники (которые были частью движения хиппи и курили или употребляли в основном марихуану и психоделические препараты), мы были готовы установить с ними контакт вследствие нашего непредвзятого интереса к их жизни и любопытства относительно их выбора. Нас выбрали сопровождать нашего профессора в школу Кеннеди при Гарвардском университете, где собрались все американские исследователи, занятые изучением потребления героина в разных мегаполисах. Это было первое знакомство с учеными высокого уровня, с миром исследований, имеющих власть и влияние, с эффектом, который полевая работа может оказывать на теорию и практику. Мы подали заявление в магистратуру с желанием изучать и развивать социологию Чикагской школы.

Поступив в магистратуру Чикагского университета в 1973 г., мы быстро узнали, что Чикагская школа, сохранившаяся на одном или двух факультетах,

эмигрировала несколькими годами ранее, когда Блумер (Blumer) покинул Средний Запад, и в то время в основном применялась на Западном побережье (см. (Vidich, Lyman, 1985) в дискуссии относительно «Калифорнийской школы интеракционизма» 1960-х и 1970-х гг. “California School of Interactionism”). После получения нашей первой магистерской степени, мы нацелились на получение Ph.D в Калифорнийском университете в Сан-Диего (UCSD). Программа была основана Джозефом Гусфилдом (Joseph Gusfield), выпускником Чикаго, и имела цель воссоздать энергию и синергизм Чикагской школы, прежде всего, во втором поколении (A Second..., 1995). Создав самый сильный факультет в стране, специализирующийся на качественных исследованиях в Калифорнии с ее новым образом жизни, большей открытостью к альтернативным жизненным стилям и благосостоянием, Гусфилд надеялся разработать программу, которая как никакая другая, стала бы центральным элементом американской социологии в этнографической традиции. Здесь собрались ученики и коллеги Говарда Беккера, Герберта Блумера и Ирвинга Гоффмана, включая не только Гусфилда, но и Джека Дугласа, Фреда Дэвиса, Джеки Вайзмана, Мюррея Дэвиса и Беннета Бергера, что образовало мощную базу символического интеракционизма. Кроме того, из этой увлеченной группы вышли магистранты, которые позже стали ключевыми фигурами символического интеракционизма и этнографии: Кэрол Уоррен, Джон Джонсон, Дэвид Алтейд, Энди Фонтана и Джозеф Котарба (Carol Warren, John Johnson, David Altheide, Andy Fontana, and Joseph Kotarba). К ним присоединилась группа этнометодологов, состоявшая из Аарона Сикуреля, Бада Механа, Беннетты ДжулесРоссет и Рейеса Рамоса, (Aaron Cicourel, Bud Mehan, Bennetta JulesRosette, and Reyes Ramos), а также теоретиков, таких как Рэндалл Коллинз и Сезар Гранья (Randall Collins and César Graña), которые стремились установить макро-микро-связь социологической мысли. Именно здесь был заложен серьезный фундамент наших знаний об истории, эпистемологии и практике качественной и интерпретативной социологии.

В поисках нашего первого исследовательского проекта мы оглянулись вокруг и были заинтригованы образом жизни нашего соседа «без видимых средств к существованию». Уже знакомые с этим феноменом по нашей студенческой субкультуре и исследованию наркотиков, мы с энтузиазмом восприняли эту возможность, чтобы понять образ жизни соседа и высшие сферы практики контрабанды и торговли наркотиками. Мы сразу же оказались в мире профессиональных преступников, которые еще раньше привлекали нас в социологии и криминологии! По мере того, как мы все глубже вовлекались в это сообщество и его дружеский круг, мы впервые столкнулись (в середине 1970-х годов) с только что созданным университетским комитетом, призванным регулировать научные исследования.

Один из наших руководителей настаивал, чтобы мы провели этот проект через Human Subjects Committee (теперь, скорее всего, он называется Совет по институциональному рецензированию (Institutional Review Board, IRB)). Эта процедура в то время не была обязательной. Чтобы получить

такое одобрение, нам пришлось бы потребовать от наших друзей и знакомых подписать бланки согласия их настоящими именами, что они отказались бы сделать, даже если бы мы попросили. Мы также должны были бы объявлять людям при первой встрече, что мы изучаем их, что (как советовали наши ближайшие друзья) могло бы быть опасно для нашего здоровья, не говоря уже о стремлении к науке. Таким образом, мы так и не получили официального разрешения университета на проведение исследования, что невозможно представить сегодня.

Чтобы быть достаточно близко к участникам, чтобы узнать об их жизни, глубоко понять их перспективы, радости и конфликты, необходимо было регулярно общаться с ними, быть принятым в их круг. Совместное проведение времени требовало нашей готовности участвовать в их досуге, частью которого было потребление марихуаны и кокаина. Так как мы были детьми 1960-х годов, мы ничего не имели против этих препаратов, даже считали это обязательным условием реализации исследования. Если бы мы отказались, нам бы не доверяли и не приняли в свой круг. Мы никогда не торговали наркотиками (хотя нам много раз предлагали такую возможность), но мы, безусловно, были свидетелями многих сделок.

При описании методов этого исследования в книге, которую мы назвали «*Wheeling and Dealing*» (Adler, 1985), мы откровенно заявили о своем употреблении наркотиков как о важнейшем условии для входа в сообщество. На протяжении всей нашей карьеры мы никогда не получали профессионального осуждения за это признание. На самом деле, к нашему большому удивлению, нас постоянно хвалили за честность, прямоту и смелость. Мы надеемся, что это послужило одним из предвестников более откровенного и открытого подхода к этнографическим методам, чем это практиковалось ранее, что широко проявилось всего через несколько лет, с началом постмодернистского поворота. Единственный раз наша позиция вызвала недоуменное поднятие бровей, это была презентация, которую мы делали для Национального института по потреблению наркотиков (NIDA), где редакторы вежливо попросили нас для правительственной публикации отцензурировать эту часть нашей дискуссии о методах. Но наше устное признание на конференции в Вашингтоне, округ Колумбия, было воспринято другими качественниками, исследующими наркотики, как смелое. Наша работа была хорошо принята, и мы благодарны, что избежали дурной славы, которая преследовала Лауда Хамфриса.

Спортплощадка и студенческая аудитория

В 1980 г. мы переехали в Талсу, штат Оклахома. Этот регион был настолько чужд нам культурно, географически и лично, что нам было трудно вписаться туда. Так как в академической жизни господствовал принцип «публикуйся или умри» (сейчас он приобрел еще большее значение), мы стремились найти тему для нашего следующего исследования.

Мы всегда были убежденными сторонниками исследований «в собственном дворе» («ближний» опыт в противовес «дальнему» опыту, за которым нужно отправляться куда-то далеко, как до сих пор считают большинство антропологов). Через некоторое время мы решили, что один из местных колледжей, Oral Roberts University (ORU), подходит для исследования, но мы понимали, что мы сами не подходим для подобного проекта. Мы были нью-йоркскими евреями — именно такими людьми, которым эти христиане-евангелисты всегда учили не доверять и с которыми им не следовало дружить (хотя надо отметить, что Алан Пешкин (Peshkin, 1984), тоже еврей, проводил этнографическое исследование в аналогичной обстановке средней школы). Мы не могли наладить субъективную связь, необходимую для беспристрастного включенного наблюдения. Итак, после изучения захватывающей жизни торговцев наркотиками высшего уровня мы стали писать о родителях среднего класса, которые возят своих детей в школу и обратно (Adler, Adler, 1984).

Однажды Пит дал распечатку нашей статьи о спортивных импульсах (Adler, Adler, 1978a) одному из своих студентов, баскетболисту междуниверситетского уровня, который был взволнован, прочитав о чем-то, настолько близком к его опыту. Он взял статью для своего тренера, чтобы тот тоже смог прочитать. Тренеру понравилось то, что он прочитал, потому что он подумал, что если этот профессор знает, как ухватить импульс, это может помочь его команде выигрывать матчи. Затем он пригласил Пита на встречу, на которой они пообщались с игроками команды. Интеракция была столь успешной, что Пита стали приглашать снова. Вскоре Пит стал частью команды и ее привычной жизни, находился среди игроков во время тренировок, помогал ребятам составлять учебные графики (это было еще до того, как стал популярен институт академического консультирования спортсменов), сидел на скамейке на домашних играх и путешествовал в коротких поездках вместе с командой. Его спортивная подготовка и обширные знания как в сфере спорта, так и в академической жизни и жизни в целом помогли создать прочную связь между ним, тренером и игроками. Они дали ему прозвище «Док». В это же время Патриция взяла на себя роль жены наставника, подружилась с женами и подругами игроков. Большую часть воскресных вечеров мы принимали членов команды в нашем доме за обедом, общались с ними после тренировок и в дороге.

Примерно через год роль Пита в качестве академического советника стала привлекать внимание средств массовой информации, и о нем стали писать, говорить по радио, показывать по телевидению. Он все больше превращался в знаменитость, особенно по мере того, как увеличивалось число побед команды, и ее включили в лигу и национальные чемпионаты (см. Adler, 1984). Он жил как один из членов команды и разделял опыт и чувства членов команды, как раз то, что мы считали необходимым для экзистенциального понимания сообщества. Иногда его даже публично просили дать автограф, а фанаты постоянно просили дать оценку команде, например, насколько они готовы к следующей игре (или к сезону).

Хотя эта роль приблизила Пита к эмоциональному и жизненному опыту игроков, были времена, когда его аналитическая перспектива утрачивалась. В таких случаях наш командный подход оказывался особенно ценным, потому что тогда Патриция после особо важных событий записывала с ним на диктофон отчет, напоминала о необходимости писать полевые заметки и проводила с ним мозговой штурм по поводу развития и модификации важных аналитических концепций. В ходе этого исследования мы превратили часто повторяемую фразу-обращение тренеров к игрокам «следуй программе» в статью о концепции организационной лояльности (Adler, Adler, 1988). Наше лонгитюдное глубокое взаимодействие с отдельными людьми и командой в целом позволило нам отслеживать и описывать «карьерные идентичности» спортсменов колледжа, сталкивавшихся с различными соблазнами и давлениями. Мы написали о конфликте ролей, который они испытывали, балансируя между спортивной, социальной и академической ролями, и о том, как они преодолевали его. Позднее мы написали историю их жизни (Adler, Adler, 1991).

Но мы также много и тщательно размышляли над тем, что мы *не* должны писать — как относительно этого исследования, так и относительно темы оборота наркотиков. В социологии принято считать, что люди говорят только о *втором* худшем случае, который с ними произошел, и мы, вероятно, придерживаемся того же мнения. Поразмыслив об этом и поборовшись с этим, мы написали статью о самоцензуре в полевых исследованиях (Adler, Adler, 1989a), обсуждая эту практическую и этическую дилемму.

Роли участника в полевом исследовании

После шести долгих и трудных (но академически продуктивных) лет мы покинули Талсу в 1986 г. Мы вернулись в любимый город и любимую альма-матер — получили предложение на годовой контракт в Вашингтонском университете в Сент-Луисе. Примерно в то же время нас пригласили стать редакторами журнала “Urban Life”, сменившего название на “Journal of Contemporary Ethnography”, в сотрудничестве с Митчем Алленом (Mitch Allen), редактором Sage, и Джоном Лофландом (John Lofland), основателем журнала. Для нас это был труд любви, первый журнал, которому мы были безгранично преданы и которым восхищались (мы опубликовали там нашу вторую рецензируемую статью). Работая до эпохи электронной передачи рукописей, их рецензирования и переписки с авторами, мы получали удовольствие от редактирования чужих рукописей, от встреч и дискуссий с авторами на конференциях и в какой-то степени формировали направление этнографии того времени.

Мы продолжали писать о наших исследованиях в области баскетбола и размышляли над эпистемологическими проблемами, с которыми сталкивались в этой области. Мы подумали о сходстве между наркоторговлей и баскетбольными проектами и о наших подходах к ним. Воспитанные

подходом Джека Дугласа (Douglas, 1976), мы были твердыми приверженцами углубленного, участвующего исследования. Мы сопоставили роль Пита в области исследований баскетбола как наставника команды и наши роли в исследованиях по наркотикам в качестве друзей и соседей наркоторговцев. Обе роли существенно отличались от того, чему нас учили в учебниках, придерживающихся эпистемологии Чикагской школы второго поколения. Подход Чикагской школы 1950-х и 1960-х годов отстаивал позицию незаметного наблюдателя. В сочинениях Голда (Gold, 1958) и Джункера (Junker, 1960), которые описывали диапазон соответствующих исследовательских ролей, нам советовали проводить тонкую грань между вовлеченностью и отстраненностью, между субъективностью и объективностью. Мы могли быть наблюдателями-участниками или участниками-как-наблюдателями, но было много негативной риторики относительно того, чтобы становиться «местным».

Мы нутром чувствовали, что нас (социологов) учили неправильно. То, что литература определяла как «стать местным», нам казалось необходимым опытом полевого исследования. Как еще мы могли по-настоящему понять экзистенциальную реальность того, что чувствуют люди? Если мы не понимаем, что они чувствуют, как мы можем понять, как и почему они действуют? Символический интеракционизм делает акцент на рациональном познании, принятии роли другого и оценке возможных результатов поведения, а также на согласовании совместных действий. Но в работах «Американский общественный порядок» (Douglas, 1971) и «Экзистенциальная социология» (Existential Sociology, 1975) Джек Дуглас и Джон Джонсон писали об экзистенциальной реальности жизни, о фундаментальном значении чувств («грубой сущности» (brute being), как они это называли) по отношению к рациональному мышлению, и это находило отклик в нашем опыте в обоих полевых исследованиях.

Мы считали, что не отстраненность, дистанция или объективность делают исследовательский проект выдающимся, а вовлеченность, близость и субъективность. Мы никогда не слышали, чтобы кто-то хвалил этнографию, говоря: «Ух ты, ты действительно держал дистанцию». Скорее, исследование вызывает доверие благодаря близости исследователей к своим респондентам и тому, насколько хорошо они уловили суть жизни и перспективы тех людей, которых они изучали. В работе «Роли участников полевого исследования» (Adler, Adler, 1987) мы призывали исследователей принять субъективность, признать, что все люди и группы обладают знаниями инсайдеров и аутсайдеров, и придавать решающее значение проникновению во внешние (и внутренние) слои фасадного видения. В то время мы не знали, что схожие дискуссии проходили и в антропологии (см. Writing Culture..., 1986), а также среди небольшой, но быстро растущей группы социологов во главе с Норманом Денцином (Denzin, 1989), которые были сторонниками сходных гносеологических изменений в этнографической практике.

В нашем трактате мы пошли дальше идей Дугласа, чтобы доказать, что все исследователи должны взять на себя роль участника. В нашем

исследовании наркоторговцев мы приняли роль *периферийного* участника: мы стали членами социального сообщества, но не были вовлечены в основную деятельность группы (продажа наркотиков). Тем не менее мы приблизились к группе дилеров высокого уровня гораздо ближе, чем смогли более ранние исследователи. Они стали нашими близкими друзьями, и мы общались в первую очередь с ними, работали с ними в их законных фасадных сферах бизнеса, сидели с их детьми, путешествовали с ними, навещали их в тюрьме, давали показания в суде и пригласили нашего ближайшего друга пожить у нас, когда его выпустили из тюрьмы. Мы с гордостью можем сказать, что эти дружеские отношения все еще сохраняются, и мы общаемся с нашими ключевыми друзьями из этого исследования и навещаем их на регулярной основе даже теперь, спустя более чем 35 лет.

В исследованиях баскетбола Пит принял роль *активного* члена, участвуя в работе на команду в роли академического тренера и как советник игроков и тренеров. Он планировал расписание игроков, помогал им общаться со своими профессорами, направлял их, был другом и образцом для подражания. Он консультировался с тренерами и помог им понять, как функционирует университет и каково место легкой атлетики в реальной политике академии. Его весьма заметная позиция на скамейке и в средствах массовой информации вызвала значительную ревность среди его коллег по факультету, и через несколько лет ему прямо указали на необходимость отказаться от такой публичной роли, иначе это поставит под угрозу его шансы на пребывание в должности.

Были также моменты, когда мы беспокоились о том, что такая активная роль в сообществе может испортить исследовательские данные, потому что Пит упорно работал, чтобы противодействовать тому, как спортивная сфера коварно влияла на игроков. Он призывал игроков не пренебрегать курсовыми работами, получить степень, даже если в то время это казалось им неважным. Он пытался оценить их шансы попасть в перспективе в НБА, чтобы они поняли, какие жизненные опции более реалистичны. Но, воздействуя на данные, мы на собственном горьком опыте узнали о суровой реальности окружения: как бы мы ни старались изменить его, мы не могли. Тренеры акцентировали внимание на НБА, чтобы переключить все внимание своих подопечных на физическую подготовку, несмотря на их искреннюю заботу о них как о людях с неспортивным будущим. Игроки ели, спали и мечтали попасть в высшую лигу, несмотря на предостережения Пита. И только спустя годы, когда мы вернулись в Талсу для участия в свадебной церемонии одного из игроков, некоторые из тех, кто так и не закончил учебу, размышляя о своей жизни, благодарили Пита за попытку удержать их от фантазий, которые завели их в ловушку. «Вы были правы, Док», — говорили они. «Вы говорили, что так будет, но мы не слушали». Мы и сейчас остались друзьями с некоторыми людьми из этого сообщества. Тогда мы еще почти не знали, что в рамках следующего проекта попадем в нашу третью исследовательскую категорию: роль *полного членства* в сообществе.

Власть группы

После года в Сент-Луисе в 1987 г. мы переехали в Боулдер (Boulder), штат Колорадо. Только что вышла наша книга об участвующих ролях (Adler, Adler, 1987), и мы работали над новой книгой «Спортплощадка и студенческая аудитория» (Adler, Adler, 1991). Это всегда было нашей практикой — перекрывать последние несколько лет завершаемого исследовательского проекта (когда данные в основном уже собраны, и мы тратим большую часть времени на написание текстов) началом нового исследования. Это позволяло нам к тому моменту, когда результаты прошлой работы публиковались, быть уже глубоко погруженными в следующую тему, чтобы начать писать и работать над новыми текстами. От начала и до конца, за всю нашу сорокалетнюю карьеру мы тратили почти десять лет на каждое из наших пяти главных этнографических исследований (с вкраплением между ними других проектов).

Как обычно, мы обратились к нашей повседневной жизни, к «нашему двору», на этот раз в буквальном смысле. На протяжении своей карьеры мы продолжали думать, эпистемологически, что мы должны совмещать нашу исследовательскую жизнь с личной. Именно так мы могли полноценно участвовать в исследовательских сообществах. Мы думали, что невозможно понять социальную сцену и участвующих в ней людей, не находясь вместе с ними по выходным, а также по будням, по вечерам и в дневное время, в периоды кризисов, а также в периоды спокойствия и рутины. Мы расслаблялись и позволяли чему-нибудь интересному дрейфовать к нам, сохраняя наше социологическое воображение и любопытство включенными.

В исследовании наркоторговли мы начали с изучения наших соседей. Баскетбольное исследование было основано на нашем знании о своих студентах. На этот раз социологический интерес вызвала жизнь наших детей. С нашей теоретической ориентацией на символический интеракционизм мы давно были захвачены темой детей и социализации. Мы подумали об известных ученых, таких как Чарльз Х. Кули, Эрик Эриксон и Жан Пиаже, которые изучали своих собственных детей, видя в них лабораторию человеческой природы. В Сан-Диего мы писали о межпоколенческой социализации, приводившей к девиантному поведению, которое мы наблюдали у малолетних наркоманов — детей курильщиков, которые тоже начинали курить марихуану (Adler, Adler, 1978b). Если в Талсе мы писали о подвозе детей в школу (carpooling), к тому времени, как мы переехали в Колорадо, наши дети стали старше, и их жизнь становилась все более интересной. Социальные миры наших детей привлекали нас в качестве объекта изучения не только потому, что они были свежими, увлекательными, важными и невероятно сложными, но и потому, что их изучение давало нам дополнительную выгоду — мы стали проводить больше времени с детьми в течение важного формативного периода их жизни.

У нашей дочери, которой было девять лет и которая ходила в четвертый класс, когда мы переехали, казалось бы, была прекрасная жизнь: у нее были

друзья, она встречалась с ними, танцевала и любила школу. Но в конце того первого года случилось кое-что, что положило конец нашей самоуспокоенности. Первый наш взгляд за кулисы этой счастливой видимости пришелся на вечеринку по случаю окончания начальной школы, когда мать одной девочки сказала, что хочет выцарапать глаза нашей дочери. «Что она сделала?» — забеспокоились мы. Эта мама сказала, что она переводит свою дочь в другую школу из-за нашего ребенка. Мы спросили нашу дочь, но не получили адекватного ответа.

В начале следующего учебного года мы обнаружили, что лучшей подруге нашей дочери было запрещено (ее матерью) играть с ней. Разлученная со своей лучшей подругой и переведенная в новый класс, она должна была с кем-нибудь подружиться. В итоге она оказалась вовлечена в группу популярных девушек, лидер которой доминировала с помощью различных манипуляций. Теперь, когда наша дочь переживала неприятности, мы узнали о сложной и драматичной динамике взаимодействия этих девочек и об их жестокости. По-видимому, год назад она плохо относилась к этим девочкам, и теперь, когда ее эмоционально третировала более опытная альфа-лидер, у нее было мало мест, куда можно было обратиться. Она переживала драму взлетов и падений, включение и исключение, превратности лидерства и подчинения.

Наш сын переживал довольно похожую динамику. Хотя он был первоначально социально принят благодаря своим спортивным навыкам, к четвертому и пятому классу его бросили бывшие друзья и стали избегать как парию. Его мучили лидеры влиятельной группы одноклассников, над ним издевались те, кто хотел заслужить их благосклонность, его избивали. На родительских собраниях нам говорили, что его жизнь была ежедневным адом. Это были слишком драматичные события, чтобы их игнорировать. Почему дети так популярны, удивлялись мы, что из-за них люди могут переживать такие взлеты и падения? Что дало лидерам этой клики такую власть, что они могли командовать отвратительным поведением своих последователей и делать жизнь других детей столь несчастной? Как дети в этом возрасте учатся прочитывать тонкие и переменчивые потоки настроений, чтобы они могли плыть по течению и не разорваться в клочья под убийственным перекрестным огнем? Мы всегда чувствовали, что ответы на эти вопросы, которые мы опубликовали в книге «Власть группы: культура и идентичность детей предпубертатного возраста» (Adler, Adler, 1998), предлагают наиболее универсально применимые модели социального мира, так как описанная нами динамика клики в равной мере относится как к миру детей, так и к микро- и макрополитике во всех формах повседневной и организационной жизни. Это было наиболее универсальное достижение за всю нашу карьеру.

Вход в мир детей для взрослых не всегда легок, поскольку дети проводят часть времени в приватной компании своих сверстников, а другую — в образовательных учреждениях, доступ к которым ограничен. Взяв на себя роль «родителя-исследователя» (см. Adler, Adler, 1996), мы извлекли выгоду из естественной роли участника, где наше присутствие было не так

искусственно и неуклюже, где у нас уже было погружение в роль и где потребность в притворстве была уменьшена.

В этом исследовании мы исполняли несколько родительских ролей в различных ситуациях. Мы общались с детьми, родителями, учителями и школьными администраторами в качестве «родителей школьников», занимались волонтерством в классах, сопровождали экскурсии, организовывали школьные карнавалы и другие мероприятия, подвозили детей и работали в школьных комитетах. Мы общались с детьми, родителями, другими взрослыми и городской администрацией как члены «местного родительского сообщества», тренировали и судили молодежные спортивные команды, выступали в роли родителей юных спортсменов, фотографов команды, организовывали буфет на соревнованиях, а также создали нашу собственную молодежную бейсбольную лигу и руководили ею. Мы общались с детьми, их родителями, соседями и соседскими детьми, а также взрослыми друзьями и их детьми в качестве участников «родительского дома», будучи частью своего соседского окружения, имея друзей в своем сообществе, общаясь с соседскими и дружескими компаниями наших детей, предлагая им еду и уборную (наш дом граничил с игровым полем района), ухаживая за детьми, проходившими через болезни, травмы и злоупотребления психоактивными веществами, помогая им с их школьными заданиями и выполнением школьных требований, функционируя в качестве «менторов и ролевых моделей для подражания», а также выступая в лице «друзей и доверенных лиц» при вызволении их из тюрьмы и других неприятностей и помогая им при разговорах с их собственными родителями.

Одним из ключевых преимуществ этого исследования было то, что мы проводили много времени с нашими детьми. Но, возможно, при этом возникали и этические проблемы, которые мы не замечали в то время. На небольшой конференции, посвященной этнографическим исследованиям детей, одна из выступающих поставила под сомнение нашу исследовательскую роль: «Я бы возненавидела это состояние: быть детьми Адлеров», — сказала она. Было ли что-то, о чем мы не подумали, какое-то злоупотребление властью, которое мы непреднамеренно включили в наши отношения? Будут ли они всегда ненавидеть нас за это? Эти дилеммы иллюстрируют некоторые трудности полноценного включенного участия в исследование, показывая, как любая эпистемологическая перспектива порождает компромиссы.

Работающие в раю

Наша первая попытка заняться отдаленной от нас этнографией, за пределами нашего собственного повседневного мира, была связана с изучением профессиональной культуры гавайской отельной индустрии в проекте «Работающие в раю: работники гостиничного бизнеса в глобальной экономике» (Adler, Adler, 2004). Мы посетили Гавайи в 1992 году и влюбились в это место. Каждый раз, когда мы возвращались, это чувство все глубже

проникало в наши души. Ища какой-то способ обеспечить регулярные поездки туда, мы занялись исследованиями. Мы были очарованы сложным миром курортных отелей, философией управления их работой, их мультикультурной рабочей силой и самой иронией ситуации, в которой одни люди работают, чтобы обеспечить отдых других. Когда мы углубились в эту тему, мы обнаружили огромное богатство языка, культуры и значительное социальное расслоение. Несмотря на то, что мы начали этот проект как туристы, в течение нескольких лет нам удалось включить его в нашу повседневную жизнь — мы смогли получить там преподавательскую работу в местном колледже и в итоге построить дом. Мы снова соединили наши исследования и личную жизнь.

Живя в одном месте и проводя исследования в другом, только в виде частичной занятости, мы столкнулись с трудностью постоянных перемещений в поле и обратно и отсутствием постоянного доступа к исследуемой среде. Создать ситуацию участвующего членства в сообществе, которую мы использовали ранее, здесь было сложнее. Мы арендовали дешевую квартиру, селились в разных отелях, расположенных вдоль одной особенно интересной для нас территории, присоединились к бонусным программам членства (одну из них на нас даже опробовали) и продолжали общаться с сотрудниками. Мы разными путями проникли во все четыре группы работников, которых мы выделили (местные жители, новые иммигранты, менеджмент и лица, ищущие работу). Мы проникали различными путями: как гости отеля, которые серьезно относятся к своей работе и жизни; как профессора местного колледжа; через участие в местных и гостиничных мероприятиях; и, в конечном счете, как друзья. В конце концов мы обратились в один из отелей за разрешением на его изучение.

Оказалось, что общение с организованной группой сильно отличается от вхождения в поле, состоящего из неорганизованных индивидов: нам пришлось налаживать отношения с ключевой персоной (gatekeeper) (генеральный менеджер). Текучесть кадров в отельной индустрии, и особенно в выбранном нами отеле, поставила нас в тупик, потому что каждый раз, когда мы думали, что установили отношения с данным генеральным директором и получали разрешение на изучение вверенного ему объекта, его увольняли и заменяли следующим; мы должны были начинать все сначала. Мы испытали несколько душераздирающих разочарований: когда мы приезжали готовые начать формальное исследование, мы обнаруживали, что у руля стоит какой-то новый человек, который нас не знает. В конце концов, однако, наша настойчивость окупилась, и мы добились успеха. Затем мы ощутили преимущества изучения организации, так как после получения одобрения со стороны генерального менеджера у нас появился доступ к большинству сотрудников, и отныне мы могли наблюдать закулисную жизнь, планировать интервью с менеджерами и открыто бродить по зданию, делая заметки. Некоторые работники признавались нам, что до них доходили слухи о том, что мы были шпионами менеджмента, но как только они познакомились с нами поближе, мы легко развеяли это впечатление.

Через несколько лет мы вышли за пределы нашего первого отеля, чтобы собрать более полную этнографию всех отелей на этом побережье. Тем не менее, вместо того чтобы искать формальный, организационный доступ в другие курортные отели, мы решили общаться с отдельными сотрудниками в их свободное время; мы уже хорошо понимали, как устроен местный менеджмент. На этом этапе проекта мы уже знали достаточно людей, чтобы методом снежного кома переходить от одного контакта к другому, и углубляли проникновение в каждую из четырех групп работников благодаря нашим связям со студентами, партнерами по тренировкам, соседями, людьми, с которыми мы уже беседовали, и, конечно, друзьями.

Этот исследовательский проект привел нас к литературе, которая была далека от той, с которой мы были знакомы ранее. Такая особенность гораздо более характерна для качественных, чем для количественных исследований профессиональных карьер. Мы писали об организационном и этническом расслоении, трудовых отношениях, экономике развития, постмодернистской личности (self) и соотношении работы и отдыха. Помимо очевидных преимуществ проведения времени в прекрасном и романтическом, практически райском месте, это исследование дало нам прекрасную возможность познакомиться с увлекательной новой научной литературой. И, опять же, выполнение этого лонгитюдного, углубленного исследовательского проекта глубоко и взаимно повлияло на нашу жизнь и жизнь людей, которых мы изучали.

Нежные порезы

Наше последнее исследование «Нежные порезы: внутри скрытого мира самоповреждений» (Adler, Adler, 2011) также само позвало нас к себе, но по-другому. Мы впервые отошли от нашей давней приверженности глубинному участвующему наблюдению и исследованию нашего ближнего «двора». Мы впервые услышали о самоповреждении (хотя ни этот, ни какой-либо другой специальный термин тогда не употреблялся) в 1982 году, когда студентка Пита в Талсе доверительно рассказала ему о множественных порезах на руках. В последующие годы мы оба неоднократно замечали признаки подобного поведения. Как интересующиеся всем и «крутые» профессора, которые читают курсы по девиации, популярной культуре, употреблению наркотиков и спорту, мы часто оказывались теми взрослыми, к которым студенты обращались как к хорошим слушателям их историй. Наши последующие столкновения с самоповреждением поначалу были редки, но стали более частыми в конце 1980-х и начале 1990-х годов. К середине 1990-х мы уже знали или слышали достаточно о людях, которые намеренно резали себя, чтобы почувствовать себя окруженными такими людьми. Тем не менее в тех редких случаях, когда мы обсуждали это с друзьями или коллегами, мы обнаруживали, что явление остается в принципе неизвестным. Затем, весной 1996 г., наша юная знакомая подросткового возраста, дочь наших близких

друзей, доверительно поведала Питу о своих порезах. Она не рассказывала об этом своим родителям, но ей нужен был кто-то, с кем можно было об этом поговорить. Пит был ее консультантом в колледже (одно из его побочных занятий), и у них были теплые отношения. Этот очень подробный, интимный разговор привлек наше внимание. Мы чувствовали, что этот тип поведения требует нашего изучения, но мы были тогда прямо в середине другого крупного исследовательского проекта и не имели времени.

Нас притягивало к этому проекту потому, что это означало возвращение к девиантности, нашей первой любви, и потому что верили, что можем быть непредвзятыми относительно этой темы. В отличие от трудностей, с которыми мы столкнулись при попытке получить разрешение на изучение наркоторговцев, мы наивно полагали, что одобрение этического комитета (Institutional Review Board, или IRB) по этой теме будет легким: поведение было девиантным, но не преступным, и люди наносили вред только себе, а не другим. Мы также думали, что, поскольку наши разговоры с людьми на эту тему вызвали шок и удивление, а не какие-либо признания, то нам будет очень трудно при поиске людей для изучения. Мы не могли быть более неправы в обоих случаях.

Мы испытали первый шок, когда в IRB сообщили, что самоповреждение ассоциируется с суицидальностью, то есть тех, кто наносит себе порезы, относят к группе риска. Затем от нас запросили применить психомедицинскую перспективу при определении такого поведения с обзором литературы и с описанием причин, последствий и общей демографией этих групп в составе населения. Это было первым симптомом гегемонии психомедицинской перспективы и их «собственности» на тему. После первой серии пересмотра нашей заявки нас попросили обеспечить испытуемых направлением к клиницистам, которые проводят психотерапию или консультирование по прекращению самоповреждений, что, как мы подозревали, наши респонденты могли и не оценить. Это не было ценностным нейтралитетом в духе Макса Вебера и тем непредвзятым отношением, с которого мы хотели начать наши разговоры с респондентами. При интервьюировании несовершеннолетних (потенциально значимый процент в этой социальной группе) мы должны были получить их согласие, а также согласие их родителей. Это было действительно большим препятствием, так как все причастные, с которыми мы разговаривали, скрывали свои самоповреждения от родителей и почти от всех остальных. Ограничившись только теми, кто давал согласие вместе со своими родителями, мы могли значительно сместить состав участников и их представленность в населении. Но мы продолжили. После очередного этапа ревизии нам сказали, что мы не можем напрямую обращаться за интервью к испытуемым, а можем только «бросить клич», что мы заинтересованы в исследовании, и пригласить тех, кто хочет участвовать, связаться с нами. После почти двухлетнего пересмотра методики проекта мы были готовы начать исследование.

Как неорганизованная группа лиц не связанных между собой индивидов, практикующие самоповреждения не могли быть изучены посредством

участвующего наблюдения, как это мы делали прежде. Они были глубоко скрытой группой населения. Поначалу их трудно было находить, но из уст в уста и посредством интервью в СМИ люди начали узнавать о нашем интересе. Удивительно, но они приходили к нам на собеседование. Когда мы спрашивали их (в конце интервью), почему они вызвались, они говорили, что надеются, что мы напишем об их действиях и другие смогут прочесть и узнать, что они не одиноки и что они не сумасшедшие. Многие рассказывали об ужасных переживаниях, пережитых с родителями, школьными консультантами, врачами первичного звена и педиатрами, а также врачами скорой помощи, от которых они надеялись избавиться других. Это глубоко тронуло нас, и мы дали согласие представлять их голоса и их перспективу.

Пока мы продолжали свои беседы лицом-к-лицу в наших офисах, в начале 2000-х гг. мы начали осознавать, что рост самоповреждений обсуждается и в интернете. Возникали веб-сайты, блоги, дневники, списки рассылок и доски объявлений, где люди писали о своем опыте и публиковали фотографии, стихи и произведения искусства. Поскольку это были публичные сайты, мы посещали их и задокументировали имевшиеся данные. Но можно ли их использовать? В то время практические и этические стандарты интернет-исследований были неясными и противоречивыми. Немногое тогда публиковалось там, так как это поле только зарождалось. Мы хотели расширять наше исследование и в интернете, так как после почти 40 интервью мы достигли эмпирического насыщения. Скользкий эпистемологический склон, поскольку тогда еще не было нормативных стандартов, которыми могли бы руководствоваться интернет-исследователи-качественники. Поэтому мы должны были «покрывать» это интернет-поле в соответствии со своими возможностями. Мы читали публичные посты. Мы присоединились к нескольким группам как явные исследователи, чтобы иметь возможность получения личных сообщений в свои почтовые ящики, даже если сайты или доски объявлений были общедоступными. Мы участвовали в онлайн-беседах и заводили друзей в различных сообществах. Но было трудно, почти невозможно, сообщать о наших исследовательских интересах каждый раз, когда мы посещали сайт или читали электронные письма или публикации. Мы обновили протокол, получив разрешение на использование и этого материала.

В нашем обновленном проекте мы обратились за разрешением запрашивать у людей онлайн-разрешение на проведение с ними телефонных интервью. И снова IRB поставил нас перед проблемой. Как мы можем уточнять возраст испытуемых? Хотя мы указывали, что заинтересованы в разговоре только с людьми от 18 лет и старше, нам приходилось доверять тому, что они говорили, и сопоставлять это с тем, что было написано в их постах. IRB настаивал, что исследование несовершеннолетних (самая незначительная часть в лучшем случае) требует дальнейшей проверки через родителей, что они те, кем себя называют. Как мы должны были это сделать? Мы договорились звонить родителям потенциальных респондентов, чтобы проверить их возраст.

В следующем году при обновлении протокола нам сказали, что мы должны расширить родительское разрешение для несовершеннолетних, получая письменное разрешение обоим родителям или одного из родителей и законного опекуна. Однако на самом деле у многих несовершеннолетних, которые практиковали самоповреждения, не было двух родителей. Мы опросили только двух таких несовершеннолетних и больше не смогли рекрутировать в тот год никого.

При следующем обновлении протокола нам сказали, что форма согласия должна содержать предупреждение родителей о том, что если они знают о самоповреждениях своего ребенка и ничего с этим не делают, то мы будем вынуждены «сообщить о них». Что бы это значило? Что могло быть приемлемым порогом для того, чтобы что-то предпринимать со стороны родителей: разговаривать с ребенком, отправлять его к терапевту, посадить ребенка на лекарства, отвести к врачу или отправить в психиатрическую больницу? Это было неясно. Кроме того, кому мы должны сообщать об упорствующих родителях? Полиции? Социальным работникам? IRB? Полиции по самоповреждениям? Эпистемологически это было неправильно. Как мы можем жить с мыслью о том, чтобы сдать кого-то, кто пытался помочь нам в нашем исследовании? На данный момент мы официально исключили несовершеннолетних из выборки.

Мы были готовы использовать интернет, чтобы успешно набирать респондентов со всего мира. Мы провели телефонные интервью с респондентами из Европы, Южнотихоокеанского региона и Северной Америки. В то же время продолжали проводить личные интервью, но только после предварительной проверки, насколько их опыт может продвинуть наши знания эмпирически или теоретически. К этому моменту мы часто отказывались от личных интервью. Завершенное исследование было основано на более чем 135 глубинных интервью по типу жизненной истории, проведенных лично и по телефону, что составляет, по нашему мнению, самую большую выборку качественных интервью с неинституционализированными субъектами самоповреждения, которые когда-либо собирались. Возраст респондентов варьировался от 16 до 55 лет, с большим преобладанием женщин над мужчинами (85% женщин и 15% мужчин), почти все белые. В ходе исследования мы также собрали десятки тысяч (в диапазоне от 30 000 до 40 000) интернет-сообщений и электронных писем, включая те, которые были опубликованы публично, и личные, написанные нам или нами.

Но когда мы заканчивали книгу в 2009–2010 гг., возникли дополнительные гносеологические и этические вопросы. Возвращаясь к сайтам, на которые мы внимательно не смотрели в течение нескольких лет, кроме как время от времени публиковали предложения на участие в исследовании, мы заметили, что некоторые из них за эти годы перешли в статус «только для членов». Что это значит? Как насчет данных, которые мы собрали, когда они были общедоступными? Когда это изменилось? Этические аспекты оказались еще мрачнее, чем на первоначальном этапе, и были чреваты возможными проблемами. У нас было три или четыре главы, заполненные

цитатами и полевыми заметками, которые, возможно, были получены полностью или частично именно из таких источников. Можем ли мы их использовать? Должны ли мы их использовать? Что делают в таких случаях другие исследователи? Опять же, не было никакого постоянства в этических стандартах. Мы решили попытаться найти золотую середину: работать в основном с данными общедоступных сайтов и использовать сообщения электронной почты или публикации, которые не идентифицируют постеры или сайты. Но это привело к тому, что три главы из нашей рукописи мы исключили.

Рады сообщить, что книга была опубликована, и мы получили многочисленные электронные письма от людей, у которых брали интервью, которые купили ее, прочитали и поблагодарили за то, как мы изобразили их и их поведение (за то, что «дали им голос» в мире, в котором их почти не слышали). Как и в отношении других исследовательских проектов, мы по-прежнему переписываемся с несколькими ближайшими друзьями в интернете по всем аспектам их жизни.

Современное состояние этнографии

Мы завершаем выступление оценкой современного состояния этнографии. Тем самым мы признаем успехи и расширение поля этнографии. От социологии к антропологии, от урбанистики, этнологии, культурологии к феминистике, от образования к медицине, юриспруденции, бизнесу, журналистике, коммуникации, этномузыке, истории, литературе и т.д., более того, мы наблюдали подъем и развитие полевых исследований. Этнография в современном научном сообществе варьируется по своему характеру от анекдота до нарратива, может быть формальной, частичной, экспериментальной, текстовой и любой другой по форме и жанру. Этнография остается полем, которое может претендовать на звание «самой научной из гуманитарных и самой гуманистической из наук» (Van Maanen, 2011: 151). В нашем плюралистическом мире субкультуры расцветают, а вместе с ними и возможности их описания и анализа. Труды по этнографии стали огромной отраслью, простирающейся за пределы самих этнографий до многочисленных энциклопедий, справочников, руководств, антологий, обзоров литературы, бесед и презентаций, журнальных статей, монографий, блогов, досок объявлений, сайтов социальных сетей, интернет-изданий, списков рассылки и чатов. Хорошей новостью является то, что этнография перестала быть только основным подходом в антропологии и узкой областью в социологии как дисциплине, а стала использоваться, приниматься и легитимировалась в широком диапазоне социально-научных и других подходов.

В то же время подобное распространение привело к дисперсии и диверсификации подхода. Такая сегментация ставит вопрос, вызывающий озабоченность: эволюция и расщепление поля. В субдисциплине, где мы все должны быть связаны, как своего рода родственники, и гармонично

работать вместе, существует фрагментация. Часть такого положения можно отнести за счет успеха интерпретативного подхода как движения в более широком смысле, но некоторые симптомы могут предвещать распад и упадок.

Мы впервые представили нашу идею «Четыре лица этнографии» в своем президентском послании социологическому обществу Среднего Запада (см. Adler, Adler, 2008), чтобы поговорить о жанрах этнографической работы и репрезентации. Анализируя риторику и репрезентацию в этнографии и основываясь на литературе (например, (Geertz, 1988; Van Maanen, 1988, 2011; Representation..., 1995; Atkinson, 1990, 1992; Hammersley, 1991; Denzin, Lincoln, 1994) — то есть прародители этой идеи), мы предложили четыре стиля представления этнографических исследований, как ориентированные на четыре различные аудитории: классическая, мейнстрим, постмодернистская и публичная. Хотя ни одна типология не может адекватно охватить диапазон и широту этнографии в целом, мы возвращаемся к этой концепции, чтобы проанализировать, как в них проявляются прародители основополагающих представлений об этнографии.

Мейнстрим-этнография

Дисциплинарная гегемония все еще сохраняется в ведущих журналах. Это означает небольшой объем журнального пространства, которое выделяется для качественных исследований. Даже когда «Социально-психологический ежеквартальник» (Social Psychology Quarterly) был в руках Спенсера Кэхилла (Spencer Cahill) и затем Гэри Алана Файна (Gary Alan Fine) — двух редакторов, которые должны были бы привлекать больше этнографов как потенциальных авторов, количество исследователей-качественников, опубликовавших свои работы за эти годы, существенно не увеличилось. Полевые исследователи, которые хотят разместить свои работы в высокорейтинговых журналах, должны прежде представить, как перевести свои идеи из лексикона классической этнографии на язык мейнстрим-социологии. Рецензенты и редакторы мейнстримных журналов зачастую затрудняются оценить этнографическую работу, поскольку нет полного консенсуса относительно стандартов оценки, как в количественных работах. Они предлагают гипотетико-дедуктивную модель исследования, под которую этнографы должны попытаться подогнать себя. Это особенно заметно при оценке отдельных разделов статьи, таких как введение и обсуждение методов. Валидность и надежность вызывают здесь особенное беспокойство. Чтобы добиться публикации в этих изданиях с высоким престижем и широкой аудиторией, что подразумевается для подобных журналов, исследователи-качественники должны обосновать использование полевых методов для мейнстрим-аудитории, рационализировать свой зачастую интуитивный исследовательский процесс и нейтрализовать субъективные аспекты изучения. Хотя и были подобные попытки публиковаться в таких изданиях,

большинство этнографов отвергают господствующую концепцию строго методологического плана, predetermined и завершенного еще до начала исследования, которая сопровождается риторикой, требующей легитимации в позитивистской терминологии и придерживающейся немногословного и тупого стиля письма, и которая вращается вокруг жестко фиксированных и плоских определений и необходимого формального анализа.

Публичная этнография

За последнее десятилетие или два мы наблюдали рост влияния такой заметной области, как публичная этнография, где качественные полевые данные презентуются в форме, доступной для интеллектуального непрофессионального читателя. Первое поколение представителей этой области включают в себя такие фигуры, как Элайдж Андерсон, Митч Дюнье, Кэтрин Ньюман и Филипп Бургуа (Elijah Anderson, Mitch Duneier, Katherine Newman, and Philippe Bourgois). Публичные этнографы предпочитают работать в тактике углубленного включенного наблюдения. Они критикуют исследователей-качественников за использование углубленных интервью об истории жизни и ратуют за то, чтобы жить среди тех людей, которых исследователи изучают. Они используют длинные, дословные транскрипции «естественных», необработанных разговоров людей, зачастую представляя их публике даже без особого фреймирования. В публичной этнографии в целом отсутствует какая-либо эпистемологическая дискуссия, теоретическое развитие, или концептуальная организация классической, реалистической этнографии, такая, какую мы видим представленной здесь, на данной конференции по качественному анализу (Qualitative Analysis Conference). Тем не менее это направление сейчас в моде, особенно среди университетов Лиги Плюща и других элитных университетов. Хотя публичная этнография использует методики, подобные нашей, и можно проследить их корни, ведущие к лидерам в нашей области, они вращаются в узкой, замкнутой сфере. Некоторые из их конференций проводятся только по приглашениям и одаривают участников щедрыми выплатами.

В настоящее время публичная этнография переживает свой зенит влияния и престижа и даже присутствует в публикациях мейнстримных изданий (см. Goffman, 2009).

Этнография постмодерна

Интересно, что через неделю после нашей конференции (в мае 2011 года) будет проходить седьмой Международный конгресс качественных исследований — в Урбане, штат Иллинойс (Seventh International Congress of Qualitative Inquiry). Собирающееся там сообщество постмодернистских (или постструктуралистских) этнографов, как заявлено, отвергает

идеал ценностно-нейтрального (в веберовском понимании) исследования, основанного на «Божьем взгляде на реальность». Вместо этого, как и феминистки, они предпочитают политически ангажированное исследование. Они также придерживаются позиции выхода за рамки экспериментального, рефлексивного способа написания этнографических текстов, основанных на первичных высказываниях, предпочитая создание критических персональных нарративов контр-гегемонистской, деколонизаторской методологической направленности. Они описывают область качественных исследований главным образом как характеризующуюся рядом существенных напряжений, противоречий и колебаний между конкурирующими определениями этой области. Некоторые из них можно увидеть в дебатах по поводу определения и принадлежности термина «автоэтнография» ((см. специальный выпуск JCE по «Аналитической автоэтнографии» за 2006 год, редактор Леон Андерсон, и особенно, статьи Андерсона (Anderson, 2006) и Эллис и Бочнера (Ellis, Bochner, 2006)).

Полезно сравнить состояние постмодернистской этнографии с той разновидностью классической этнографии, которой придерживаются участники данной встречи, сопоставив темы Конгресса качественных исследований Денцина (Denzin Congress of Qualitative Inquiry) с тематикой 28-й Ежегодной конференции по качественному анализу (28th Annual Qualitative Analysis Conference). Тема настоящей конференции — «Современные проблемы качественных исследований» — сфокусирована на применении качественных методов и дискуссиях, связанных с качественным исследованием. Заявленная цель состоит в том, чтобы исследовать новые и традиционные вызовы качественным методологиям, такие как исследовательские стандарты, интеграция технологий, роль и влияние эмоциональности, место исследователя в поле, этические нормы и границы этой области, а также качественные подходы при работе в команде. Сравним с Конгрессом. Тематика Конгресса, согласно программе, звучит так: «Политика адвокации» (“Politics of Advocacy”). Сессии посвящены критике ценностно-нейтрального исследования; вопросам пристрастности и предвзятости; политике доказательств; возможным альтернативам модели, основанной на фактических данных; этическим аспектам при исследовании коренных народов; деколонизаторскому исследованию. Участникам предлагается поэкспериментировать с традиционными и новыми методологиями и новыми форматами презентации, такими как этнодрама, перформанс, поэзия, автоэтнография и даже художественная литература (см. Congress of Qualitative Inquiry, 2011).

В результате их программа включает в себя несколько сессий по автоэтнографии (используя их определение — это изучение собственного «я»), в том числе 11 автоэтнографических сессий по таким темам, как идентичность, сопротивление и академическая жизнь; локализация пространства; гендер; терапевтическая автоэтнография; семья; деколонизация; искусство; насилие, нация; радость; и три сессии по автоэтнографическому попури. Другие сессии включают в себя этнографический перформанс, этнодраму, художественную литературу, рассказ, этнотеатр, игру в карты, поэзию,

адвокацию, исследование коренных народов, написание, репрезентацию и дуо-этнографию³.

Постмодернизм, рожденный в процессе критики как позитивистской, так и постпозитивистской социологии, отбрасывает реалистическую этнографию как «просто модернистскую», практикуемую полевыми исследователями, которые политически наивны, прикованы к какому-то «Божьему глазу» и недостаточно развиты, чтобы распознать истинные эпистемологические и репрезентативные вызовы. Оба этих «лика» (разновидности) этнографии возникли на фундаменте классической этнографии. Тем не менее, несмотря на эти различия, мы предпочли бы говорить о конвергенции этих подходов с подполями и линиями исследования, вписывающимися в одну общую рубрику. Произошел взрыв новых качественных/интерпретативных журналов. Это может быть хорошо для нашего общего дела: может дать нам больше изданий и способствовать нашему процветанию. Но давайте сосредоточим нашу деятельность на расширении нашей общей основы, а не сужении ее.

Классическая этнография

Классический жанр выступает как оригинальная версия этнографического подхода Чикагской школы, которая видоизменяется в соответствии с теми постоянными изменениями, которые происходят в отдельных субдисциплинах. Миссия этого жанра всегда заключалась в том, чтобы «вернуться с новостями», риторически убедить читателя, что исследователи транслируют подлинную и проверяемую историю, собранную людьми, которые покинули башню из слоновой кости, чтобы выйти в поле и вернуться с точным знанием о трендах и паттернах мира, начиная от его повседневной жизни до его темных и скрытых сторон. Этот жанр обладает способностью критиковать, теоретизировать, назидать, удивлять, забавлять, раздражать или утешать (Van Maanen, 2011). Эта конференция представляет собой странство такой классической этнографии.

Этнография — это единственный метод, который дает нам свободный доступ к жизни других людей. Хотя у нас, безусловно, есть проблемы, с которыми нужно бороться, такие как репрезентация, аутентичность, голос, этика и исследовательская предвзятость, мы продолжаем экспериментально прорабатывать эти сложности. Мы не закрываем дверь для новых возникающих проблем. Поиск «переднего края» развития науки не требует отказа от истории или традиции, из которых мы вышли. Давайте оставаться там, где мы призваны находиться: с нашими участниками исследования, людьми в их естественных обстоятельствах, проводя тонкую грань между членством в повседневной жизни и аналитическим наблюдением.

³ Duoethnographies — как метод описания результатов исследования через диалог двух исследователей, где голоса обоих не суммируются, но звучат отдельно, в диалоге друг с другом.

Мы все должны осознавать, что живем в густой чаще разнообразной этнографической работы, и нам полезно распознавать тонкие нюансы, которые различают перечисленные жанры. Уже нет одной стандартной модели этнографии. Но в то же время, когда мы изобретаем и создаем новые направления, давайте все же возьмемся за руки и не будем упускать из виду нашу общую основу: что мы репрезентируем жизнь людей, которых изучаем, базируясь на включенном наблюдении и глубинных интервью, на лонгитудно собранных в течение нескольких лет пребывания в поле данных, наложенных на определенный тип критического, теоретического анализа, что может быть осуществлено в конечном счете только через призму социологического воображения.

Давайте прекратим расширение и скорее перекинем мост через пропасть, которая существует между нами и нашими собратьями. Давайте применим некоторые креативные идеи и здравые советы от каждого из новых ответвлений. Что всегда характеризовало классическую этнографию, так это ее подвижная природа, поскольку она развивается в ответ на формирование новых идей, новых подходов, новых форм. Мы должны продолжить инкорпорировать лучшие черты постмодернизма, публичной этнографии, мейнстрим-этнографии и перемешивать их с лучшими образцами работы, которую делаем мы в нашей традиции и которой обучаем новые поколения этнографов-практиков и ученых. Мы призываем вас никогда не уходить слишком далеко от эмпирического поля, чтобы быть уверенными в наличии контакта с людьми, которых вы изучаете. Вы остаетесь в то же время на аналитической дистанции и осознаете такую близость к данным, что способны честно и точно описать их и сообщить другим. Тогда мы сможем вернуться к работе, которую наши предшественники из Чикагской школы просили делать в первую очередь: пачкать руки в практических исследованиях реальности.

Мы заканчиваем словами: «Дайте мне немного этой старой доброй реалистической этнографии, она как раз для меня». Давайте продолжать делать то, что мы делаем хорошо: глубоко погружаться в полевую работу; давать голос участникам исследования. Мы должны продолжать отдавать свои силы на то, чтобы, используя контуры субъективности, стремиться понять социальный мир и совершенствовать его посредством креативности своего концептуального и теоретического анализа. Давайте призывать других полевых исследователей выйти в поле вместо того, чтобы размышлять исключительно над текстами о полевых исследованиях, с тем чтобы они могли глубоко вжиться в жизненные миры своих респондентов. Дайте нам этнографию, где исследователи знают нюансы повседневной жизни людей, которых они изучают, где между исследователем и исследуемым иногда возникают конфликты, которые должны быть сглажены, и где эмпирические данные выходят за рамки изображения индивидуального опыта исследователя и отражают общий опыт группы или субкультуры.

Мы призываем вас оставаться в рамках программы, в то же время продолжать и развивать наш перформанс. Перемены необходимы, но это

не должна быть полномасштабная революция. То, что у нас есть, не сломано, но на пользу может пойти постоянный пересмотр, креативные инновации, эксперименты и шутки. Давайте продолжим обозревать то поле, которое Дитц, Прус и Шаффир (Dietz, Prus, Shaffir, 1994) «этнографией как прожитый опыт человечества». Как наставлял нас Роберт Парк, живите среди этих людей, будьте добры к ним, поймите их миры и то, как они живут в них. Используйте *verstehen* и создавайте аналитически сложные документальные тексты для социальных наук и просто интеллигентных людей, чтобы их читали в течение следующего тысячелетия. Как мы видим, участники, приехавшие на эту конференцию, на правильном пути. На этом пути будут развилки, но мы верим, что когда вы прибудете на станцию, этнография, создаваемая вами, обоснуется в мире настолько полно и гуманно, насколько это возможно, и будет расширять наши знания так, как это может быть сделано только учеными, которые держатся за руки и обуты в туфли людей, которых они изучают. Вперед!

Литература

- A Second Chicago School? The Development of a Postwar American Sociology / Ed. by G. A. Fine. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Adler P. The Sociologist as Celebrity: The Role of the Media in Field Research // *Qualitative Sociology*. 1984. № 7 (4). P. 310–326. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf00987098>.
- Adler P. A. et al. Dual Careerism and the Conjoint-Career Couple // *The American Sociologist*. 1989. № 20 (3). P. 207–226. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf02697826>.
- Adler P. A. *Wheeling and Dealing*. NY: Columbia University Press, 1985.
- Adler P. A., Adler P. *Backboards and Blackboards*. NY: Columbia University Press, 1991. DOI: <https://doi.org/10.7312/adle90436>.
- Adler P. A., Adler P. Intense Loyalty in Organizations: The Case of College Athletics // *Administrative Science Quarterly*. 1988. № 33 (3). P. 401–417. DOI: <https://doi.org/10.2307/2392716>.
- Adler P. A., Adler P. *Membership Roles in Field Research*. Newbury Park, CA: Sage, 1987. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781412984973>
- Adler P. A., Adler P. *Paradise Laborers. Hotel Work in the Global Economy*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004.
- Adler P. A., Adler P. Parent-as-Researcher: The Politics of Researching in the Personal Life // *Qualitative Sociology*. 1996. № 19 (1). P. 35–58. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf02393247>.
- Adler P. A., Adler P. *Peer Power: Preadolescent Culture and Identity*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1998.
- Adler P. A., Adler P. Presidential Address. Of Rhetoric and Representation: The Four Faces of Ethnography // *The Sociological Quarterly*. 2008. № 49 (1). P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2007.00104.x>.
- Adler P. A., Adler P. Self Censorship: The Politics of Presenting Ethnographic Data // *ARENA Review*. 1989a. № 13 (1). P. 37–48.
- Adler P. A., Adler P. The Carpool: A Socializing Adjunct to the Educational Experience // *Sociology of Education*. 1984. № 57 (4). P. 200–210. DOI: <https://doi.org/10.2307/2112424>
- Adler P. A., Adler P. The Role of Momentum in Sport // *Urban Life*. 1978a. № 7 (2). P. 153–176. DOI: <https://doi.org/10.1177/089124167800700202>.
- Adler P. A., Adler P. *The Tender Cut: Inside the Hidden World of Self-Injury*. NY: New York University Press, 2011.

- Adler P. A., Adler P.* Tinydopers: A Case Study in Deviant Socialization // *Symbolic Interaction*. 1978b. № 1 (2). P. 90–105. DOI: <https://doi.org/10.1525/si.1978.1.2.90>.
- Adler P. A., Adler P.* Whither the Decline? // *The American Sociologist*. 1989b. № 20 (4). P. 336–340. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf02691817>.
- Anderson L.* Analytic Autoethnography // *Journal of Contemporary Ethnography*. 2006. № 35 (4). P. 373–395. DOI: <https://doi.org/10.1177/0891241605280449>.
- Atkinson P.* *The Ethnographic Imagination: Textual Constructions of Reality*. L.: Routledge, 1990.
- Atkinson P.* *Understanding Ethnographic Texts*. Newbury Park, CA: Sage, 1992. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781412986403>.
- Congress of Qualitative Inquiry. Conference Program. 2011. URL: <http://icqi.org/docs/2011/QI2011Program042611.pdf> (дата обращения: 10.02.2012).
- Denzin N. K.* *Interpretive Interactionism*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1989.
- Denzin N. K., Lincoln Y. S.* Introduction: Entering the Field of Qualitative Research // *Handbook of Qualitative Research* / Ed. by N. Denzin, Y. Lincoln. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. P. 1–18.
- Dietz M. L., Prus R., Shaffir W.* *Doing Everyday Life: Ethnography as Human Lived Experience*. Mississauga, ONT: Copp Clark Longman, 1994.
- Douglas J. D.* *American Social Order*. NY: Free Press, 1971.
- Douglas J. D.* *Investigative Social Research: Individual and Team Field Research*. Beverly Hills, CA: Sage, 1976.
- Ellis C. S., Bochner A. P.* Analyzing Analytic Autoethnography: An Autopsy // *Journal of Contemporary Ethnography*. 2006. № 35 (4). P. 429–449. DOI: <https://doi.org/10.1177/0891241606286979>.
- Existential Sociology* / Ed. by J. D. Douglas, J. Johnson. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.
- Gallihier J.* *Laud Humphreys: Prophet of Sociology and Homosexuality*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2004.
- Geertz C.* *Works and Lives: The Anthropologist as Author*. Stanford: Stanford University Press, 1988.
- Goffman A.* On the Run: Wanted Men in a Philadelphia Ghetto // *American Sociological Review*. 2009. № 74 (2). P. 339–357. DOI: <https://doi.org/10.1177/000312240907400301>.
- Gold R. L.* Roles in Sociological Field Observations // *Social Forces*. 1958. № 36 (3). P. 217–223. DOI: <https://doi.org/10.2307/2573808>
- Hammersley M.* *Reading Ethnographic Research: A Critical Guide*. L.: Longman, 1991.
- Humphreys L.* *Tearoom Trade: A Study of Homosexual Encounters in Public Places*. Chicago: Aldine, 1970.
- Junker B. H.* *Field Work: An Introduction to the Social Sciences*. Chicago: University of Chicago Press, 1960.
- Peshkin A.* Odd Man Out: The Participant Observer in an Absolutist Setting // *Sociology of Education*. 1984. № 57 (4). P. 254–264. DOI: <https://doi.org/10.2307/2112429>.
- Representation in Ethnography* / Ed. by J. van Maanen. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995.
- Van Maanen J.* *Tales of the Field: On Writing Ethnography*. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
- Van Maanen J.* *Tales of the Field: On Writing Ethnography*. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 2011. DOI: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226849638.001.0001>.
- Vidich A. J., Lyman S. M.* *American Sociology: Worldly Rejections of Religion and Their Directions*. New Haven, CT: Yale University Press, 1985.
- Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography* / Ed. by J. Clifford, G. E. Marcus. Berkeley: University of California Press, 1986.

Дата поступления: 2.10.2019

Tales from the field: reflections on four decades of ethnography

DOI: 10.19181/inter.2019.20.1

Patricia A. Adler, Peter Adler

Adler Patricia A. – Professor of Sociology, University of Colorado, adler@colorado.edu.

Adler Peter – Professor of Sociology, University of Denver, socyprof@hotmail.com.

Drawing on careers spanning over 35 years in the field of ethnography, we reflect on the research in which we've engaged and how the practice and epistemology of ethnography has evolved over this period. We begin by addressing the problematic nature of ethical issues in conducting qualitative research, highlighting the non-uniform nature of standards, the difficulty of applying mainstream or medical criteria to field research, and the issues raised by the new area of cyber research, drawing particularly on our recent cyberethnography of self-injury. We then discuss the challenge of engagement, highlighting pulls that draw ethnographers between the ideals of involvement and objectivity. Finally, we address the challenges and changing landscapes of qualitative analysis, and how its practice and legitimation are impacted by contemporary trends in sociology. We conclude by discussing how epistemological decisions in the field of qualitative research are framed in political, ethical, and disciplinary struggles over disciplinary hegemony.

Keywords: ethnography; epistemology; ethics; cyber-ethnography; qualitative research; self-injury; deviance; sport; socialization; youth

Received: 2.10.2019